

РУМЫНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РУМЫНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

в трех частях

Часть первая

Москва Приложение к журналу “Зарубежная радиоэлектроника”
1991

ББК 84.4Р.

ISBN 5-86688-089-X

**© Составление и художественное оформление
Москва. Приложение к журналу
“Зарубежная радиоэлектроника”, 1991**

ДВЕНАДЦАТЬ ЦАРЕВЕН И ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК

Было это однажды, а может, никогда не было... Жил-был когда-то паренек — круглый сирота, батрачил он у чужих людей, чтобы заработать себе на хлеб. Юноша был опрятен, пригож, все парни в деревне завидовали ему. Даже другие батраки ненавидели его и вечно дразнили, но юноша не обращал внимания на издевки и сплетни, а занимался своим делом и как будто ничего не понимал из их болтовни; прикидывался простачком. За это парни прозвали его “разиней”.

Все хозяева, у которых работал юноша, были им очень довольны, часто они из-за него ссорились между собой, потому что каждый хозяин хотел заполучить юношу в работники к себе. Когда он проходил по деревне, девушки подталкивали друг друга и украдкой поглядывали на него. И в самом деле, на такого парня стоило засмотреться! Это был статный, красивый молодец; на белоснежную шею падали черные, как смоль, кудри, а над верхней губой темнел пушок. А какие были у молодца глаза!.. Словом, все девушки до одной были в него влюблены.

Когда он гонял коров к водопою, девушки наперебой старались заговорить с ним, но юноша никого не замечал и притворялся, будто не понимает их намеков. Они прозвали его между собою Фэт-Фрумос, чтобы показать, что их насколько не задевает его пренебрежение.

А он по-прежнему ни на кого не смотрел, пас скот и все работы выполнял лучше других парней.

Как это ни странно, коровы, которых пас молодец, были крупнее и красивее, чем у других пастухов, они давали больше молока, может быть, потому, что он умел выбирать более

сочные пастбища. Даже трава, коли он ступал на нее, словно становилась веселее.

Родился, видно, тот молодец под счастливой звездой, и суждено было ему далеко пойти. Но он и знать не знал об этом, был скромн и не думал о том, что его ожидает. Он спокойно трудился, никого не задевал, и именно за это невзлюбили его парни.

Как-то весной молодец пас коров на лугу. Прилег он в тени высокого ветвистого дерева отдохнуть и заснул. А место это было чудо какое красивое. Зеленая лужайка, поросшая всевозможными цветами, будто приглашала отдохнуть на ней. Поодаль, под склоном холма, среди лопухов и другого бурьяна змеился ручеек, и его тихое журчание словно убаюкивало. Дерево, под которым прилег молодец, было таким высоким, что доходило почти до самых облаков. На ветках щебетали птички в своих гнездах. Стоило только послушать их щебетание, как в сердце сразу загоралась любовь. Густая листва отбрасывала прохладную тень.

Итак, не успел юноша приклонить голову к траве, как сразу заснул и увидел чудесный сон. Пригрезилась ему фея, прекрасней которой не сыщешь ни на земле, ни на небе. Она велела ему пойти к царскому двору, где его ждет счастье.

— Что же это такое? — проснувшись, сказал вслух

молодец.

Целый день думал он о том, что означал этот сон; но так и не понял, что звезда, под которой он родился, начала служить ему.

На второй день молодец снова погнал скот на пастбище. Свернув с дороги, он опять наткнулся на то же дерево и прилег отдохнуть. И снова приснился ему тот же сон.

“Тут дело нечистое”, — проснувшись, подумал молодец. Весь день не оставляла его эта мысль.

На третий день он уже нарочно пошел к дереву, лег спать и опять увидел все тот же сон. На этот раз фея даже пригрозила ему, что если он не пойдет к царю, то заболеет и с ним приключатся всякие беды.

Тогда молодец встал и пошел домой. Загнал коров на скотный двор, явился к хозяину и сказал:

— Надумал я пойти искать счастья по свету. Надоело мне батрачить, никак из нужды не вылезу. Дай расчет.

— Зачем же тебе, парень, уходить от меня? Разве ты недоволен жалованьем, какое получаешь? Или еды тебе мало? Оставайся, я найду тебе хорошую невесту с приданым и заживешь, как все люди. Нечего бродягой по свету слоняться.

— Нет, хозяин, тобой я доволен. И еды мне хватает, что зря бога гневить. Но захотелось мне по белому свету походить, и ни за что я здесь не останусь.

Понял хозяин, что не уговорить молодца, заплатил ему сколько положено и простился с ним.

Пришел юноша к царскому дворцу и нанялся в помощники к садовнику, и тот очень обрадовался такому пригожему работнику: садовнику всегда доставалось от царских дочерей за то, что он нанимает самых противных и уродливых помощников.

“Парень-то пригожий, но платье на нем грязное. Одним словом, пастух!” — подумал про себя садовник и приказал юноше вымыться и переодеться, чтобы стал он похож на царского слугу. Парень был хорош собой, и новая одежда очень шла ему.

Кроме работы в саду, молодец должен был каждый день

срезать цветы, составлять двенадцать букетов и подносить их двенадцати царевнам, когда они выходили в сад на прогулку. Это считалось его главной обязанностью. Царю же предсказали некогда, что царевны не выйдут замуж до тех пор, пока не будут сняты чары, которыми они были заморожены и одна из них не полюбит. А волшебницы одарили их при рождении страстью к танцам. Царевны очень любили танцевать и каждую ночь стаптывали по паре белых шелковых вышитых туфель. Но никто не знал, где пропадают царевны по ночам.

Крепко призадумался царь. Много денег приходилось ему тратить на туфли, и очень огорчали его ледяные сердца дочерей, — они ни за что не хотели выходить замуж, хотя к ним сваталось много женихов.

Наконец приказал тогда царь оповестить всех своих подданных и жителей других государств о том, что отдаст одну из дочерей в жены тому, кто сумеет раскрыть, как это его дочери каждую ночь снашивают пару туфель.

Царевны жили взаперти в одной из комнат дворца, за девятью железными дверями, за девятью большими замками. Но никто не знал, чем они занимаются по ночам и почему так быстро рвут туфли, так как никто никогда не видел, чтобы они когда-нибудь выходили из дворца.

Видать, им было суждено так провести всю свою жизнь, такова уж их участь.

Узнав о решении царя, со всех сторон стали съезжаться женихи, сыновья царей и князей, крупных и даже мелких бояр. Каждый из них должен был прокараулить одну ночь возле комнаты царевен. Царь с нетерпением поджидал утра, надеясь, что оно принесет ему хорошие вести. Но царю только одно и доносили, — юноша, стороживший с вечера комнату царских дочерей, бесследно исчез, и никто не может напасть на его след.

Так пропали одиннадцать юношей. Остальные стали колебаться, и в конце концов все отказались караулить у спальни царевен: они не хотели брать в жены девушек, из-за которых уже погибло столько людей.

Один за другим женихи стали покидать царский двор и возвращаться домой, оставив царевен на произвол судьбы.

Никому не хотелось загубить душу ради женщины. Да и сам царь испугался того, что столько юношей погибает, и больше уже никого не приглашал. По-прежнему он был вынужден каждый день покупать двенадцать пар туфель. Но больше всего его удручала мысль о том, что дочери состарятся, поседеют и так и не выйдут замуж.

Новый помощник хорошо справлялся со своей работой. Все им были довольны: и главный садовник и царевны. Молодец даже не поднимал глаз, когда подавал им букеты, но когда очередь доходила до младшей, он краснел, и сердце у него начинало биться так, что чуть не выпрыгивало из груди.

Младшая царевна заметила его смущение, но подумала, что парень просто застенчив, потому и краснеет, когда подходит к ней. А сам юноша понимал, что он не пара для царской дочери, но... разве сердцу прикажешь?

Стал молодец подумывать о том, чтобы тоже счастье попытать и подстеречь царевен ночью, но он не забывал и того, что случилось с прежними женихами.

Однажды младшая царевна проговорила своим сестрам, что младший садовник всегда краснеет, когда подает ей букет, а ведь он красивый парень. Услышав такие слова, старшая сестра начала стыдить ее, упрекая в том, что она так нежно отзывается о слуге, что, мол, видимо, он ей по душе приходится.

А между тем молодцу все больше хотелось пойти к царю и попросить у него разрешения покараулить ночью царевен. Но он помнил свое место, хоть уж не думал о том, что случилось с остальными женихами. Но больше всего, он боялся, что потеряет работу и не увидит больше царевен, в особенности младшую. Красота девушки так покорила его, что он понял: если не будет прикасаться каждое утро к ее нежным, белым рукам, то не сможет жить.

Эта мысль терзала молодца днем и ночью, и он по-прежнему не знал, на что решиться. Однажды ночью ему снова приснилась фея с цветущей лужайки и сказала: “Пойди в восточную часть сада. Там в глубине его найдешь два лавровых деревца, одно вишневого цвета, другое — розового. Рядом с ними увидишь золотую лопатку, золотой кувшин и

шелковое полотенце. Возьми лавры, посади их в два красивых горшка, окопай золотой лопаткой, полей из золотого кувшина, оботри их хорошенько шелковым полотенцем и храни деревца как зеницу ока. Когда лавры достигнут человеческого роста, они будут исполнять любое твое желание...”

Сказав это, фея исчезла так быстро, что молодец не успел даже поблагодарить ее.

Едва успев очнуться и протереть глаза, юноша побежал в восточную часть сада и замер от радости: он увидел наяву все то, о чем говорила ему фея. Он даже ущипнул себя, желая убедиться, что не спит. Молодец посадил лавровые деревца и начал старательно ухаживать за ними, часто окапывал золотой лопаткой, поливал из золотого кувшина, обтирал полотенцем и берег как зеницу ока, как приказала ему фея.

Лавры росли и крепились так быстро, что вскоре стали такими высокими и красивыми, каких еще и свет не видел.

Когда лавры достигли высоты человеческого роста, молодец, как учила его фея, обратился к одному из них с такими словами:

Ухаживал я, лавр, за тобой,
Окапывал лопаткой золотой,
Любовно обтирал тебя косынкой...
Помоги мне, лавр, стать невидимкой!

И в тот же миг на лавровом дереве показался бутон. Он стал расти на глазах, и вскоре распустился такой красивый цветок, что нельзя было удержаться, чтобы не понюхать его. Пораженный молодец сорвал цветок и спрятал за пазуху, как велела ему фея.

Вечером, когда царевны вошли в свою комнату, он прокрался туда вместе с ними. Девушки не заметили его, зато ему было отлично видно все, что они делали.

Вместо того чтобы раздеться и лечь спать, царевны стали причесываться и наряжаться в дорогие платья. Удивился молодец и решил проследить, куда они пойдут и что будут делать.

Вдруг старшая царевна спросила своих сестер:

— Вы готовы, девушки?

— Готовы!.. — одна за другой ответили сестры.

Тогда старшая царевна топнула ногой о пол, и он расступился. Девушки спустились через отверстие и вскоре подошли к саду, обнесенному медной стеной.

Старшая царевна снова топнула ногой, и стальные ворота, ведущие в сад, тотчас отворились. Молодец все время следовал за младшей царевной и нечаянно наступил на подол ее платья. Она тотчас обернулась, но никого не увидела. Окликнув сестер, царевна сказала:

— Сестрицы, сдается мне, будто кто-то идет следом за мной. Мне кто-то наступил на платье.

Сестры посмотрели по сторонам, но никого не увидели.

— Не будь такой опасливой, сестра, — ответили они. — Кому здесь быть? Даже жар-птице не проникнуть сюда. Твое платье зацепилось, наверное, за колючий кустарник, а тебе, трусихе, почудилось, будто кто-то наступил на платье. Очень уж ты пуглива.

Девушка замолчала, а молодец продолжал следовать за сестрами по пятам.

Вот прошли через сад, где росли деревья с серебряными листьями, затем через сад с листьями золотыми и, наконец, прошли через сад, где листья деревьев были усыпаны алмазами и другими драгоценными камнями. Они сверкали так красиво, что нельзя было оторвать глаз. Вскоре все подошли к большому пруду.

Посреди пруда возвышался небольшой холм, и на нем стоял замок, какого еще никогда никто не видывал. Царский дворец казался простой хижинкой по сравнению с ним. Замок был сооружен так искусно, что, когда поднимаешься к нему, кажется, что идешь вниз, а если спускался туда, то будто поднимался кверху. Он так ослепительно блестел, что легче было смотреть на солнце, чем на него.

На берегу пруда ожидали двенадцать лодочек с разодетыми гребцами. Каждая из царевен села в свою лодочку, и все двинулись в путь. Молодец пробрался в лодку младшей царевны.

Лодки шли в ряд одна за другой, как стая журавлей.

Только лодка младшей царевны все время отставала. Гребец только диву давался, почему его лодка тяжелее, чем обычно, и греб изо всех сил, стараясь догнать остальных.

Едва они сошли на берег пруда, послышалась такая музыка, что волей-неволей ноги сами начинали плясать. Царевны мгновенно вбежали в замок и закружились в танце с ожидавшими их там юношами. Они танцевали до тех пор, пока не стоптали туфель.

Наш молодец ни на шаг не отставал от царевен. Он вместе с ними вошел в замок и очутился в огромном зале, отделанном золотом и драгоценными камнями. Всюду в высоких, в человеческий рост, золотых подсвечниках горели свечи. Молочно-белые стены с золотыми полосами, украшенными сапфирами и рубинами, искрились огнем.

Молодец забрался в угол и с любопытством смотрел на все эти невиданные чудеса. Только он тоже не смог устоять на месте, когда зазвучала волшебная музыка, и невольно начал приплясывать. Подсвечники, столы и скамьи и те прыгали на месте.

Музыка была так прекрасна, что невозможно и представить себе. Арфы, свирели, гитары, скрипки, рога, волынки и множество других инструментов играли сами, да так чудесно, что лучшие в мире музыканты могли бы с ними сравниться.

А девушки? Они что есть сил танцевали хору, бэтуту, ка-ла-уша-кортулуй, пипэрушул и другие всевозможные танцы.

Царевны протанцевали так до самого рассвета. Вдруг музыка умолкла, и словно из-под земли вырос стол, уставленный всевозможными невиданными яствами. Все сели за стол и начали есть, пить и веселиться.

Наш же молодец скромно сидел в своем углу, и при виде вкусных вещей у него потекли слюнки.

У стола прислуживали арапы, одетые в яркие и дорогие платья.

Но вот царевны встали из-за стола и начали собираться домой, а молодец, словно черт за монахом, опять пошел за ними по пятам.

Когда они проходили через сад с серебряными листьями, молодец сорвал веточку с дерева. По лесу пробежал шелест и гул, как перед бурей, но ни один листик не шевельнулся, словно не было ни малейшего дуновения ветра.

Девушки вздрогнули.

— Что это значит, сестрица? — спросили они старшую сестру.

— Ничего особенного, — ответила она. — Это пролетела, наверное, птичка, та, что свила себе гнездо на башне отцовского дворца, и задела крыльями листья. Ведь только она одна может сюда проникнуть...

Царевны возвратились домой тем же путем, каким и ушли.

На следующий день, прежде чем подать цветы младшей царевне, молодец искусно спрятал в ее букет сорванную в волшебном саду веточку.

Заглянув в букет, царевна удивилась; она никак не могла понять, каким образом веточка из волшебного сада очутилась здесь. Сердце ее слегка сжалось от волнения.

На следующий вечер молодец снова тайком последовал за царевнами, и все произошло, как накануне, с той лишь разницей, что теперь он сорвал веточку с золотого дерева.

На другое утро младшая царевна получила букет цветов с золотой веточкой, и снова сердце ее дрогнуло. Улучив днем удобную минуту и сделав вид, что хочет погулять, она вышла в сад. У поворота аллеи царевна встретила помощника садовника, остановила его и спросила:

— Где ты взял веточку, которую вложил в мой букет?

— Ты отлично это знаешь, твое высочество.

— Значит, ты выследил нас и знаешь, где мы бываем по ночам?

— Да, твое высочество.

— Как же тебе это удалось? Почему тебя никто не заметил?

— Это моя тайна...

— Вот тебе кошелек с деньгами, и ни слова не смей никому говорить о том, что видел.

— Я не продаю свое молчание, твое высочество.

— Если узнаю, что ты хоть пикнул о наших ночных прогулках, я велю отрубить тебе голову.

Но, произнося эти жестокие слова, царевна чувствовала в душе совсем другое. Молодой садовник нравился ей все больше.

На третью ночь молодец сорвал веточку с дерева с алмазными листьями. Снова по саду пронесся таинственный шелест и гул, и снова старшая царевна стала успокаивать сестер. Но младшая почувствовала в душе непонятную радость. Найдя на следующее утро в своем букете алмазную веточку, она еще внимательней присмотрелась к юноше и нашла, что он очень красив и ничем не отличается от князей и царевичей.

Молодец тоже украдкой рассматривал царевну. Он заметил ее волнение, но притворился, что ничего не понимает.

Остальные царевны, застав их за разговором, стали подсмеиваться над сестрой. Молча выслушала она насмешки и не ответила на них. Она никак не могла понять, каким образом удалось юноше раскрыть их тайну, ведь этого не могли сделать даже волшебницы.

“Нет, он не может быть простым работником, — решила про себя царевна. — И потом его статная осанка, красивое и кроткое лицо и весь облик такой привлекательный”.

Вернувшись во дворец, младшая царевна рассказала сестрам, что помощнику садовника известно, куда они отправляются каждую ночь. Девушки посоветовались между собой и решили погубить его так же, как погубили и других юношей.

Но молодец и на этот раз прокрался в комнату царевен и подслушал их разговор, словно угадал, что девушки задумали недоброе. Как услышал он все, о чем они говорили, пошел сразу в сад и обратился к розовому лавру:

Ухаживал я, лавр, за тобой,
Окапывал лопаткой золотой,
Из лейки золотой поил водой,
С тебя пылинки я привык сметать,
О, помоги мне царским сыном стать.

Распустился на дереве бутон, как и в прошлый раз, и вырос из него чудесный цветок. Сорвал его молодец и спрятал за пазуху. С лица его тотчас сошел загар, стало оно чистым и светлым, как у младенца; он почувствовал, что с ним происходит нечто необычайное, ум его стал проницательнее, да и рассуждать он начал теперь совсем иначе. А платье на нем — настоящее царское.

Отправился молодец к царю и попросил разрешения покарать ночью царевен. Пожалел царь его молодость и стал отговаривать от верной гибели. Но молодец твердо стоял на своем. Царь согласился, не подозревая, что перед ним помощник садовника, так он сильно изменился.

Царь познакомил его с царевнами. Они его тоже не узнали. Лишь у младшей опять дрогнуло и сладко заныло сердце: она сразу поняла, кто этот молодец.

Следующей ночью царевны, отправляясь танцевать, взяли с собой юношу. Он все время был настороже, чтобы не попасть в ловушку.

Пришли они в заколдованный замок и танцевали до рассвета, а потом сели за стол. Молодцу поднесли питье: оно должно было лишить его рассудка и жизни, как и остальных юношей, которые здесь погибли.

Обернулся юноша к младшей царевне, печально взглянул на нее и ласково сказал:

— Я погибаю из-за тебя, из-за твоего ледяного сердца.

— Остановись, не пей, — ответила девушка, — пламя твоей любви растопило лед моего сердца. Я лучше стану простой садовницей, чтобы всегда быть вместе с тобой.

Услышав это, молодец выплеснул питье, подошел к царевне и сказал:

— Не бойся, твое высочество, тебе не придется стать садовницей.

В тот же миг чары разрушились, юноша и царевны очутились снова в царском дворце. А заколдованный замок пропал, словно его и не было.

Явившись к изумленному царю, юноша обо всем рассказал ему.

Царь сдержал слово и отдал младшую дочь в жены умно-

му и пригожему молодцу, а остальные дочери вышли замуж за тех княжеских и царских сыновей, каких выбрали себе сами.

Перед тем как идти к венцу, младшая царевна спросила жениха, как ему удалось расколдовать ее и сестер. А выведав источник его мудрости, царевна пошла в сад, срубила лавры и сожгла их: пусть, мол, муж будет равен ей.

Они поженились и жили счастливо до самой старости.

А я на седло сел верхом
И рассказал вам обо всем.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КАБАН

Жил-был однажды... а может, и вовсе не жил...

Так вот, жил-был царь, и было у него три дочери. Пришлось ему отправиться на войну. Собрал царь дочерей и говорит им:

— Вот, дорогие мои дочки, привелось мне идти воевать. Поднялся на нас враг с несметным войском. Покидаю вас с большой печалью. Без меня будьте благоразумны, ведите себя пристойно и рассудительно, следите, чтобы в доме было все в порядке. Разрешаю вам гулять в саду и входить во все горницы в доме. Лишь в одну, заднюю горницу, за углом направо, нельзя входить, не то плохо вам придется.

— Будь спокоен, батюшка, — отвечали дочки. — Никогда из твоей воли мы не выходим. Поезжай себе, не тревожься, и да пошлет тебе господь полную победу.

Изготовившись в поход, царь доверил дочерям ключи от всех горниц, снова напомнил свое наставление и с тем распрощался.

Царские дочери со слезами на глазах поцеловали отцову руку и пожелали ему удачи. Старшая дочь приняла от отца ключи.

Затосковали, запечалились девушки, оставшись одни. Когда же немного порассеялась грусть-тоска, решили они часть дня работать, другую часть — читать, а третью — гулять по саду. Так они и поступили, и все поначалу шло хорошо.

Позавидовал нечистый девичьему покою и сунул-таки свой хвост в их дела.

— Сестрицы, — сказала однажды старшая дочь. — Какой уж день мы прядем, шьем да читаем. Давненько остались

мы одни-одинешеньки, и нет такого уголка в саду, где бы мы ни побывали. Входили мы во все горницы батюшкиного дворца, видели, сколь богато и красиво они убраны. Почему б не войти нам и в ту горницу, которую батюшка запретил отпирать?

— Что ты, что ты, сестрица, — отвечает младшая, — дивлюсь я, как пришло тебе на ум такое. Ведь ты нас подбиваешь нарушить батюшкину волю. Если уж отец запретил нам входить туда, значит он знал, что говорит и почему нам надобно так поступать.

— Невелика беда, если мы туда и войдем, — говорит средняя дочь. — Ведь не выскочит оттуда ни змей, ни другое какое чудовище, и нас не проглотит. Да и откуда батюшка узнает, входили мы туда или нет?

Так говорили они между собой, советовались и дошли как раз до той горницы. Старшая сестра, ей-то и были доверены ключи, вложила в замок заветный ключ, повернула его легонько — шелк! — дверь и распахнулась.

Девушки вошли.

Что ж они там увидели?

Да ничего особенного, горница как горница. Только посередине стоит покрытый дорогим ковром большой стол, а на нем лежит большая раскрытая книга.

Разобрало девушек любопытство, и захотелось им почитать ту книгу. Старшая подошла к столу первой и вот что прочитала:

— Старшая царская дочь выйдет замуж за царевича из восточной страны.

Подошла средняя дочь, перевернула страницу и прочитала:

— Средняя царская дочь выйдет замуж за царевича из закатной страны.

Девушки обрадовались и стали шутить и пересмеиваться. А младшая дочка ни за что не хотела попытать свою судьбу.

Но старшие сестры не давали ей покою; в конце концов нехотя подошла и она к столу, перевернула нерешительно страничку и прочитала:

— Младшая царская дочь выйдет замуж за кабана.

Даже молния с неба не сразила бы так бедную девушку, как эти слова. Чуть не умерла она с горя и, не подхвати ее сестры, разбила бы себе голову, упав без памяти.

А когда бедняжка очнулась, сестры стали ее утешать и уговаривать.

— Да полно, — говорила одна, — неужто ты веришь всему этому? Да слыханное ли дело, чтоб царская дочь вышла замуж за свинью?

— Глупышка ты, — говорила другая, — разве нет у батюшки войска, чтоб уберечь тебя, если даже к тебе и посватается эдакая грязная скотина!

Младшая дочь и сама бы рада была поверить сестриным уговорам, да никак не могла успокоиться. Все ее мысли то и дело возвращались к книге; ведь предсказала же она сестрам такую счастливую судьбу, и лишь ей напорочила такое несчастье, какого доселе никто на свете и не слыхивал. Да к тому же мучилась она еще и тем, что преступила отцовский запрет.

Стала младшая сестра чахнуть. За несколько дней изменилась так, что ее и не узнать. Была румяной и веселой, а тут поблекла и увяла, и ничего-то ей больше не хотелось. Перестала она играть с сестрами в саду, собирать цветы, вить венки, перестала петь за прялкой и за шитьем. А тем временем царь-отец одержал такую победу, какой и сам не ждал, — побил и прогнал всех супостатов. Всею душой стремился он к своим дочерям и потому поспешил вернуться домой. Народ вышел к нему навстречу с барабанами и трубами, радуясь, что царь возвращается с победой и славой.

Вернулся царь и, не переступив еще порога, воздал хвалу господу за то, что он помог ему одолеть противников. Вошел он в дом, дочери кинулись ему навстречу. Еще больше обрадовался царь, как увидел, что дочки его в бодром здорье. Младшая старалась как могла скрывать свою печаль.

Но прошло немного времени, и царь стал примечать, что младшая дочь все грустит и худеет. Его как ножом по сердцу резануло: заподозрил он, что дочери нарушили его запрет. Как в воду глядел.

И чтоб убедиться наверное, призвал он дочерей и прика-

зал им говорить только правду.

Признались девушки во всем, побоялись лишь сказать царю, кто из них подстрекнул сестер его послушаться.

Как услышал это царь, загрустил и загоревал и совсем было одолела его тоска. Но не поддался он горю, а попытался утешить дочь, понимая, что и она погибает от тоски. Что сделано, то сделано; увидел он, что теперь никакими словами не поможешь.

Шло время, и стала эта беда забываться. Как вдруг явился сын одного царя из восточной страны и попросил себе в жены старшую из сестер. Царь с радостью согласился. Справили пышную свадьбу, и через три дня проводили молодых с большой честью до самой границы. Спустя немного вышла замуж и средняя дочь, — высватал ее царевич из закатной страны.

Увидела младшая сестра, что сбывается написанное в книге, еще больше закручинилась. Не хотела есть, не стала наряжаться и в сад не ходила гулять. Уж лучше ей умереть, чем жить всем на посмешище. Но царь берег ее от злой гибели и успокаивал как мог своими уговорами.

Шел день за днем, и вот однажды является во дворец к царю большой кабан и говорит человеческим голосом:

— Здравствуй, царь. Да будешь ты бодр и весел, как восход солнца в ясный день!

— Добро пожаловать, друг! Каким ветром тебя к нам принесло?

— Я пришел посвататься, — отвечает кабан.

Изумился царь, услышав от кабана такую складную речь, и сразу решил, что тут дело нечисто. Не хотелось ему отдавать кабану дочь в жены, но как узнал он, что все дворы и улицы полны свиней и что пришли все они вслед за женихом, не стал спорить и согласился. Но кабану мало было одного обещания, и он настоял на том, чтоб свадьбу играли через неделю. Только после твердого царского обещания кабан ушел. Так ли, сяк ли, но царь уговорил дочку покориться судьбе: видно, такова воля божья. А потом сказал:

— Дочь моя, умом и речью своей этот кабан — необычное животное. Даю голову на отсечение, что не от свиней он

на свет родился. Тут какое-то колдовство или другая, что ли, чертовщина замешалась. Так ты его слушай, из его воли не выходи, и думаю — недолго придется тебе мучиться.

— Коли ты так думаешь, батюшка, — отвечает дочь, — послушаюсь я тебя и понадеюсь на господу-бога. Тяжко мне это, да делать нечего.

Вот настал и день свадьбы. Поженили их втихомолку, сел потом кабан с молодой женой в царскую карету и отправился к себе домой.

По дороге пришлось им переехать через большую лужу. Кабан велел остановить карету, вылез, да и вывалялся по уши в грязи, а потом вошел обратно в карету и попросил царевну поцеловать его. Что было делать бедной девушке! Вынула она платочек, обтерла кое-как кабану рыло, да и поцеловала, помня отцовские наставления. Добрались они до кабаньего дома, а стоял он в большом лесу. Отдохнули немного с дороги, поужинали вместе и легли спать. Среди ночи почувствовала царская дочь, что рядом с ней не кабан, а человек. Подивилась она, а потом вспомнила отцовы слова, и отлегло у нее немного от сердца.

Вечером кабан сбрасывал свиную шкуру так, чтоб жена не заметила, а утром, пока еще она не просыпалась, снова надевал шкуру.

Прошла ночь, другая, третья, много ночей прошло, а молодая никак не могла взять в толк, как это муж ее по ночам — человек, а днем — кабан кабаном. Видно, околдован он, коли так оборачиваться умеет.

А когда почувствовала она, что носит дитя во чреве, то крепко полюбила своего мужа; теперь только и было у нее заботы — гадать, кого родит она через несколько месяцев.

Тут и явилась к ней старая карга-колдунья.

Царская дочь давно уж никого не видела, обрадовалась старухе и позвала ее к себе поболтать о том о сем. И колдунья рассказала ей, что умеет гадать, врачевать и что всякие чудеса ей ведомы.

— Вот и хорошо, бабушка, — говорит ей царская дочь, — растолкуй ты мне такое чудо: кто ж такой мой муж, если днем он — кабан, а ночью, чувствую я, спит со мной рядом — человек.

— Знала я раньше, дитяtko, про то, что ты мне поведала. Недаром я гадалка. Хочешь, дам тебе средство снять с него колдовство?

— Дай, дай, милая бабушка, заплачу я тебе, сколько попросишь, а то тяжко мне так жить.

— Вот возьми, доченька, эту нитку. Да пусть муж об этом ничего не знает, а то не поможет средство. Встань ночью потихонечку, когда он, бедняжка, спит, обвяжи ему левую ногу как можно туже и увидишь, дитяtko, что и утром останется он человеком. А денег мне не нужно. Уж и то будет для меня награда, что избавлю вас обоих от такой напасти. У меня вся душа изныла за тебя, моя красавица, так я жалею, что не смогла раньше помочь тебе в несчастье.

Ушла чертова старуха, а царская дочь заботливо спрятала нитку. И вот среди ночи встала она тихонько и с бьющимся сердцем перевязала ниткой ногу своего мужа. А как стала затягивать узел, — трах, — нитка и лопнула: была она гнилая.

Проснулся муж в испуге и говорит:

— Что ты наделала, несчастная! Три денька всего-навсего оставалось подождать, и избавился бы я от этого мерзкого колдовства. А теперь, кто знает, сколько придется мне еще

носить шкуру этой грязной скотины! И увидишь ты теперь меня только, если износишь три пары железных постолов да сотрешь стальной посох, пока будешь искать меня по свету. А теперь я расстаюсь с тобой.

Сказал и исчез с глаз долой.

Как увидела несчастная царевна, что осталась она одна-одинешенька, застонала и зарыдала так, что вот-вот сердце разорвется. Прокляла она злую ведьму-гадалку, призвала на ее голову адское пламя, горючий огонь. Да что толку! Увидела она, что слезами горю не поможешь, и собралась в далекий путь, — туда, куда приведет ее милость божия и любовь к мужу.

Добралась она до города, приказала выковать себе три пары железных постолов и стальной посох, изготовилась в дорогу и отправилась искать мужа.

Шла она и шла, миновала девять морей, девять земель, пробиралась вековыми дремучими лесами, спотыкалась о пни и коряги, сколько раз падала, столько подымалась. Ветви хлестали ее по лицу, кустарники в кровь раздирали руки, но она все шла вперед и не оглядывалась. Наконец, полумертвая от усталости и горя, но с надеждой в душе, добралась она до одного домика.

Глядь, а в нем живет Луна.

Постучала царевна в двери и попросила впустить ее отдохнуть немного; да к тому же пришло ей время родить.

Мать Луны сжалилась над бедной женщиной, приютила и окружила ее заботой. А потом спросила:

— Как добралась ты сюда, молодушка, из чужих краев?

Несчастливая царевна рассказала ей о всех своих бедах и под конец молвила:

— Поначалу возблагодарю я господу, что он направил сюда мои шаги, а потом и тебя, что не оставила ты меня и не дала погибнуть в час рождения моего дитяти. А теперь скажи мне, не знает ли твоя дочка, Луна, где мне искать моего мужа?

— Нет, не может она того знать, милая, — отвечает ей мать Луны. — Иди-ка ты на восток, пока не доберешься до самого Солнца. Может, оно что-нибудь и знает.

Хозяйка накормила странницу жареной курицей и велела сберечь все косточки, ни одной не потерять — ей, мол, от них большая будет польза.

Еще раз поблагодарила царевна за уют и за добрый совет, скинула железные постолы — они уже поистерлись, — обула другие, положила косточки в узелок и с младенцем на левой руке, а с посохом — в правой, снова пустилась в путь.

Пришлось ей теперь переходить через песчаную пустыню. Так труден был путь, что шла она — два шага вперед, один назад. Билась, билась и вышла наконец из тех песков, да только попала в высокие зубчатые да овражистые горы. Карабкалась она с утеса на утес, со скалы на скалу, и, когда добралась до плоскогорья, показалось ей, будто она в рай попала. Отдохнула немного — и снова в путь, все выше и выше. Острые камни и кремнистые глыбы в кровь изодрали ее колени и локти. А горы были такие высокие, до самых облаков. Меж высоких вершин пролегли глубокие пропасти; через них перебиралась царевна, цепляясь руками и помогая себе посохом.

Но вот, в конце концов совсем измученная, добралась она до светлых чертогов.

Там жило Солнце.

Постучала царевна в дверь и попросила приюта. Мать Солнца приняла ее и подивилась на женщину из дальних стран. Заплакала она от жалости, услышав горестный рассказ странницы, обещала спросить Солнце, сына своего, о заколдованном кабане, а потом спрятала царевну в погреб, чтоб не почуяло Солнце, что она здесь, когда придет домой, — сердитым возвращалось оно по вечерам.

На следующий день узнала царевна, что чуть не попала в беду: Солнце и вправду почуяло человека с того света. Да только мать успокоила сына, сказала, что ему почудилось.

Царевна приободрилась, увидев, как добра к ней мать Солнца, и спросила:

— Скажи, матушка, отчего же гневается красное Солнышко? Ведь оно такое светлое и ясное, столько добра людям делает.

— А вот почему, — ответила мать Солнца, — поутру мой сын стоит у врат рая, потому весел он и улыбается всему свету. Среди дня приходит к нему скорбь и печаль: видит он все прегрешенья людские, потому и пылает он таким жаром и зноем. А к вечеру гневен и сумрачен, потому что подходит к адским вратам. Таков уж его обычный путь, и лишь потом он возвращается домой.

Мать Солнца сказала царевне, что спрашивала сына о ее муже, а Солнышко ответило, — ничего, мол, о нем не знает. Живет он в большом густом лесу, так что Солнце не может заглянуть в чащи и заросли. Остается одна надежда — спросить у Ветра.

Накормила хозяйка царевну жареной курицей и тоже велела беречь куриные косточки.

Сменила странница вторую пару дырявых постолов, взяла узелок с косточками, ребенка на одну руку, посох в другую и отправилась к Ветру.

На этом пути пришлось ей еще труднее. Проходила она по высоким горам, из которых вылетали языки пламени, через нехоженые леса, через ледяные поля и снежные сугробы. Чуть было не погибла несчастная. Но упорством своим поборолла она все препятствия и добралась до горного ущелья, такого большого, что в нем семь городов могли бы уместиться.

Там жил Ветер.

Странница постучала в калитку и попросила приюта. Мать ветра сжалилась над ней, впустила и приютила. А потом, как и в доме у Солнышка, спрятала, чтоб не почуял ее Ветер.

На другой день сказала хозяйка царской дочери, что муж ее живет в темном лесу, куда еще топор не добирался. Построил он там себе дом, навалил стволы один на другой, переплел их прутьями и живет там один-одинешенек, злых людей боится.

Накормила она царевну жареной курицей и велела сохранить косточки, а потом посоветовала идти Млечным Путем, что ночью на небе сияет. Коли пойдет она так следом, то и доберется до своего мужа.

Царевна со слезами радости поблагодарила за добрый совет и радостную весть и отправилась в путь.

Теперь бедняжка ни днем ни ночью не отдыхала, даже поесть не останавливалась, так жаждала она найти мужа, посланного ей судьбой.

Шла она до тех пор, пока не истерлись и последние постолы. Сбросила она их и пошла босиком. Не боялась ни грязи, ни колючек, не смотрела ни на занозы, ни на ушибы, когда падала или спотыкалась о камни.

И вот наконец вышла царевна на прекрасную зеленую поляну у самого леса. Душа ее радовалась на цветы и на мягкую траву. Посидела она тут немного, но как увидела птиц, сидящих парочками на ветвях деревьев, ее взяла такая тоска по мужу, что горько заплакала, вскочила и побрела дальше с ребенком на руках да с узелочком с костями через плечо.

Вступила она в лес. Зеленая трава ласкала ей ноги, но она на траву уже не смотрела, не слушала звонко щebetавших птиц, не рвала цветов по зарослям, а шла напрямик через чащу. По приметам, какие указала ей мать Ветра, она поняла, что это должен быть тот самый лес, где живет ее муж.

Три дня и три ночи блуждала она наудачу по лесу, но ничего найти не могла. Наконец, выбившись из сил, упала она на землю и пролежала неподвижно целый день и целую ночь, не пила ничего и не ела.

А потом снова собрала бедняжка все свои силы, поднялась и, шатаясь, побрела дальше, опираясь на свой посох, хоть от него проку было мало, так он источился. Только и держалась на ногах из жалости к младенцу, хоть и груди уже не могла ему дать, — молока не было, — да из любви к мужу, которого искала.

И вот не сделала царевна и десяти шагов, как увидела дом в чаще, как раз такой, как говорила мать Ветра. Насилу добралась до него. В доме не было ни окон, ни дверей. Видно, вход был сверху. Обошла царская дочь кругом; лестницы нигде нет.

Как тут быть? Ведь войти-то нужно!

Призадумалась странница; пыталась было вскарабкаться-

ся наверх, да напрасно. Совсем было пришла она в отчаяние, не зная, как же выйти ей из беды. И тут пришли ей на ум те куриные косточки, какие она несла с собой всю долгую дорогу: “Ведь недаром говорили мне, чтобы берегла я эти косточки и что пригодятся мне они в нужде”.

Вынула она косточки из узелка, подумала немножко, взяла две косточки, да и приложила их концами одну к другой. Глядь, а они крепко-накрепко прилипли друг к другу. Вот чудеса! Приложила она еще одну, потом еще, смотрит — и эти тоже прилипли.

Тогда сделала она из этих косточек два шеста высотой в дом и прислонила их к стене на ладонь друг от друга. А потом стала складывать концами другие косточки, и вышли из них маленькие палочки; наложила их поперек длинных шестов — получились ступеньки лестницы. Эти ступеньки тоже крепко к шестам прилепились. Положит она ступеньку и взбирается на нее, а там кладет и дальше. Все выше да выше росла лестница, вот уж царская дочь добралась почти до верху, а тут одной ступеньки и не хватило...

Что тут делать? Без этой ступеньки до верху не доберешься. Видно, потеряла странница одну косточку. Оставаться наружи у ней уж сил не было. И так стало царевне досадно, что не может она войти! Отрезала она себе тут мизинец, приложила его к лестнице — он и прилип. Подхватила царевна ребенка, полезла выше и вошла в дом.

Подивилась она, как все внутри было заботливо прибрано. Взясась и она наводить порядок. Потом передохнула немножко. Увидела корытце, положила в него ребенка и стала баюкать.

Муж ее, воротившись домой, испугался. Сперва глазам своим не поверил, как увидел лестницу из косточек и отрубленный мизинец вместо верхней ступеньки. Подумал, нет ли тут опять какого злого колдовства, и чуть было не бросил свой дом, да послал ему господь добрую мысль войти.

Превратился он в голубка, чтоб не пристало к нему колдовство, взлетел, да и впорхнул в дом без всякой лестницы. Влетел — и видит: женщина ребенка укачивает.

Тогда вспомнил он, что жена его должна была родить,

когда он с ней расставался. Как подумал, сколько пришлось ей испытать, пока она добралась до него, сердце его наполнилось любовью и жалостью. И тут он сразу превратился в человека. Жену и узнать-то трудно было, так сильно она изменилась от бедствий и страданий. А царевна, как увидела мужа, так и подскочила от радости, потому что никогда днем его не видела. Но чуть только признала его, сразу же забыла о всех своих страданиях и не раскаялась в том, что совершила. Муж ее был статный, пригожий молодец.

Стали они беседовать. Рассказала царская дочь мужу все, что с ней приключилось, — и он заплакал от жалости. А потом сам стал рассказывать.

— Я, — сказал он, — царский сын. Отец мой пошел биться со змеями, — они жили по соседству и разорили наши владения. Отец убил младшего из них, а он должен был взять тебя в жены. Тогда змеюка-мать, злая колдунья, которая может и воду обратить в камень, превратила меня в кабана и наколдовала мне носить эту грязную шкуру, чтобы не женился я на тебе. Только господь бог помог мне, и я все-таки взял тебя в жены. Старуха, что дала тебе нитку, была та самая колдунья. Ведь тогда мне оставалось только три дня до избавления от волшебства, а так пришлось мне еще три года прожить в кабаньей шкуре. А теперь, когда ты столько за меня выстрадала, а я за тебя, вернемся к нашим родителям. Я без тебя решил жить отшельником, потому и выбрал это дикое место и построил здесь дом, чтобы ни один человек до меня добраться не мог.

Обнялись они радостно, поцеловались и обещали друг другу забыть пережитые несчастья.

На другое утро отправились они в путь, сначала — к царю, отцу заколдованного царевича. Как разнесся слух о возвращении его с молодой женой, весь народ плакал от радости. Крепко обняли его отец с матерью и устроили праздник на три дня и три ночи.

Потом отправились молодые к отцу жены. И там веселью конца края не было, когда их увидели. Выслушал царь повесть об их злоключениях и сказал дочери:

— Говорил же я тебе, что не верю, будто родился кабаном

тот кабан, что просил тебя в жены? Хорошо сделала ты, дочь моя, что меня послушалась.

А так как был он стар, а наследников у него не оставалось, сошел он со своего царского трона и посадил на него зятя. И правили они, как правят цари, познавшие нужду, несчастья и всяческие испытания.

И если бы не померли они, то и сейчас жили бы в мире да царствовали.

А я коня оседлал и сказку вам рассказал...

ТРИФОН-ДУРАК

Что было, то было; а кабы не было, и вспоминать бы не стали; жили-были муж с женой, да только, как часто бывает на свете, очень были они друг к другу неподходящие; жена была и смекалиста, и из семьи хорошей, а муж — ну, такой дурак, что не приведи господи; ничего-то он путем сделать не мог. Куда один ни пойдет, непременно глупостей наделает; да и пьяница он был, — так что бедная жена совсем не знала, как с ним быть. Нечего и удивляться, что жена иногда и бранила его, а злые языки говорили, что и колотила, когда под горячую руку попадался. Пыталась она и по-хорошему, по-доброму, да только дурака учить-то — что на воде писать! Не было у нее больше мочи сносить такую жизнь; другая и двух дней не стала бы есть с ним из одной миски, а она все надеялась: не сегодня — завтра образумится дурак, перестанет быть для людей посмешищем.

И терпела так она, да все его бранила, да все его учила: “Ты смекай, примечай, что делаешь, — ведь не дитя же ты малое, чтобы нельзя было на тебя положиться; ты на людей посмотри, как они делают, не будь ты вечно дураком!”

Как-то осенью день выдался пасмурный, холодный, шел мокрый снег, да и ветер дул такой, будто пришел конец света, а в доме у них не было ни полена дров. Встала жена рано-ранешенько, растолкала дурака и говорит ему:

— Поднимайся, лодырь, что ты залег, как медведь? Пойди наладь воз да ступай в лес, — дров у нас ни полена нету.

А он, сонный, из-под одеяла ей отвечает:

— Встать-то я встану, да в лес не пойду, коли ты со мной не отправишься!

— Ну, прости господи, и балда же ты, — и не стыдно тебе

отказываться, в лес без меня не идти, — ты-то здоров, как бык, а я женщина слабая, и мне ли идти в такую непогоду? Да где это видано, чтобы женщина за возом дров с мужем в лес ходила? Поднимайся с постели, отправляйся живехонько, а то люди над нами смеяться будут.

— Коли так, — будь по-твоему, — согласился Трифон, оделся не торопясь, впряг волов и потащился в лес. От холода двигался он ловчее и быстрее, чем обычно; мигом нагрузил он воз. Только собрался возвращаться домой, как подлетел к нему большой орел, сел на воз и говорит:

— Очень я голоден, братец, дай мне съесть одного из твоих волов, а уж я тебя в беде не оставлю.

Дурак и не подумал, какой будет ему убыток, если он отдаст вола; заботило его только, что скажет жена, если он вернется с одним волом, да как дотащит воз. Он и ответил орлу:

— Ладно, я, пожалуй, и дал бы тебе вола, да как мне воз-то до дому дотащить и что жена скажет?

— О том только ты и печалишься? — говорит орел. — Воз я сам тебе потом до дому доставлю, а об остальном не беспокойся: не жена над мужем голова, а муж над женой.

— Ну тогда ешь!

Кликнул тут орел клич, и собралось орлов больше двух десятков; тотчас же обоих волов и съели.

— Ну, везите мне теперь воз домой, — говорит дурак, — зачем вы моих волов сожрали?

Но они не захотели везти, поднялись в небо и крикнули:

— Благодарим тебя, братец; подожди, и мы когда-нибудь тебе пригодимся.

Остался дурак один с возом и принялся думать, что ему делать. “И то правду говорит жена, дурак я, — отдал волов орлам на растерзание, а дома у меня ничего, ни полена дров; убьет меня жена со своими братьями; не пойду я домой, пойду куда глаза глядят!”

Молвил так Трифон и отправился в путь; шел он, шел и пришел на поляну. На той поляне стояла копна сена. Поджег он сено. А в сене том спряталось на зиму множество змей; как почувствовали они дым да жар, принялись выле-

зять одна за другой из огня. А балда, как только змея выползет, топором ее ударит и убьет. Под конец высунула голову из огня самая большая, огромная змея и просит дурака:

— Пощади ты меня, братец, отпусти на волю, дам я тебе, сколько скажешь унести: дам тебе отары овец, стада волов, а денег — сколько на спине унесешь.

Помог дурак змее выбраться из огня, и побрел он за ней следом помаленьку-полегоньку через рощи да через чащи, пока не потерял ее из виду. Тут увидел Трифон, что заблудился в чаще, что перед ним пропасть, и принялся снова убиваться:

“Ох, дурак я, дурак, сегодня утром отдал волов орлам, а сейчас тащусь голодный да усталый за змеей: думал, даст она мне богатство; эх, коли у меня не хватило ума убить ее, то теперь разве мне отсюда выбраться? Не знаю, какой я дорогой пришел, и с места не могу сдвинуться”.

Тут прилетел к нему орел и говорит:

— Братец, что у тебя за горе? Я прилетел тебя выручить.

— Будь ты проклят, обманщик, оставил ты меня без волов, а теперь хоть и меня самого съешь, потому что я не могу выйти отсюда на свет божий.

— Да не съем я тебя; садись-ка ты на меня верхом, и я свезу тебя к отцу той огромной змеи, которую ты сегодня спас; ее отец змеиный царь, и если скажешь ты ему, что спас его дитя от смерти, даст он тебе отары овец, и стада волов, и денег, сколько сможешь унести; но ты ничего не бери, требуй только бусину, что у него под зубом, и станешь богаче всех богачей на свете.

Трифон-дурак сел верхом на орла и вмиг оказался у дворца змеиного царя.

— Ну слезай, — говорит орел, — да смотри, помни, что я тебе сказал: не зарься ни на что, кроме бусины из-под зуба.

Вошел Трифон во дворец к змеиному царю. Молодая змея узнала его и молвит старому царю:

— Отец, этот добрый человек спас меня от огня, вознагради его, потому что человек он бедный и честный.

И змеиный царь тотчас же попросил Трифона сесть и говорит ему:

— Раз уж ты хороший человек, дам я тебе отару овец, и стадо волов, и денег, сколько сможешь унести.

А Трифон отвечает:

— Великий царь! Я человек бедный; коли увидят люди у меня столько скота, скажут — украл, да и кормить мне его нечем; деньги же тяжелы, а я — слаб; дай ты мне бусину из-под зуба.

Змеиный царь страшно на него разгневался за такую дерзость и хотел его проглотить, но дочка стала его просить за Трифона. Не съел он дурака, а дал ему бусину и отпустил со двора.

Тут снова повстречался Трифону орел, сел Трифон на него верхом и вернулся в мир человеческий, где орел снова исчез.

Принялся тогда Трифон снова орла проклинать:

“Дурака учить — что мертвого лечить, — говорил он, — черт дернул меня послушаться орла; не мог, что ли, я взять денег, волов и овец и воротиться домой богатым? По крайней мере не был бы сейчас так голоден. Эй ты, бусина, дай мне поесть!” С этими словами бросил он ее на землю, но там, где она упала, раскинулся стол с разными яствами и винами, с музыкантами и со всякими забавами, — и чего только там не было! Стал тут мой Трифон есть да пить, петь да весе-

литься, будто король какой-нибудь. “А хороша все-таки эта бусина, — думает он. — Храни господь орла, что научил меня выпросить ее!”

Потом убрал стол и дальше двинулся. Посреди одной деревни пришла ему охота снова попить, чтобы люди посмотрели, как по-барски он живет. Потешился он вволю и позабыл про все свои огорчения. А вокруг него собралось множество людей, и все дивились, до чего он богато живет.

Многие уже ходили за такой же бусиной, но никто не сумел добраться до змеиного царя; а если кто и дошел, то сложил голову, а бусины все равно не добыл.

Пока Трифон так славно веселился, пришел человек с заржавленной саблей и говорит ему:

— Эй, братец, давай меняться, я дам тебе саблю, а ты мне бусину.

— Да какой прок от твоей сабли? — спрашивает Трифон.

— От сабли прок большой, потому, что эта сабля сама убивает, кого прикажешь.

— Неужто? Тогда давай меняться.

Но едва лишь сабля оказалась у Трифона в руках, приказал он ей убить человека, обманувшего его с бусиной. И сабля тотчас же снесла ему голову, а Трифон взял свою бусину обратно.

Была у него теперь и бусина и сабля.

Идет он дальше, а навстречу ему другой человек — на плече большая палка, а в руках маленькая.

— Добрый день, братец, — говорит прохожий.

— Доброго здоровья, братец, — отвечает Трифон. — Куда это ты идешь с двумя палками?

— Ищу человека с бусиной, может быть мы обменяемся, — он мне даст бусину, а я ему — палки.

— Я и есть человек с бусиной, — говорит Трифон. — Да какой прок от твоих палок?

— Э, братец, прок от них большой: если только ты прикажешь побить кого, — град так не помнет кукурузу, как эти палки его бока; а уж эта маленькая — чудо как хороша, чтоб жену ласкать.

— Коли такое дело, — говорит Трифон, — давай меняться-

ся; я и есть человек с бусиной.

И они обменялись. Но, получив палки, отдал он приказ сабле, и она тут же снесла тому человеку голову, а Трифон взял назад бусину.

Теперь у него была бусина, сабля и две палки, и он двинулся дальше. Шел он недолго, и повстречался ему другой человек; на голове у человека была старая шляпа, а за спиной рваные мешки...

— Добрый день, братец!

— Здравствуй, братец!

— Куда это ты идешь с этими рваными мешками и в драной шляпе?

— Я ищу человека с бусиной, хочу с ним поменяться.

— Да что за прок от этих вещей?

— Ну, прок от них большой: если перед кем снимешь эту шляпу, тот превратится в каменную глыбу; а как бросишь мешки, из них выйдет войска видимо-невидимо, и вооружено то войско до зубов.

— Коли так — давай меняться: я и есть человек с бусиной.

Но как только получил Трифон и это сокровище, приказал он сабле снести тому человеку голову, потом взял бусину и снова двинулся в путь.

Шел он, однако, недолго, и повстречался ему еще человек с огромным-преогромным кнутом на плече.

— Добрый день, братец!

— Доброго здоровья, братец!

— Куда это ты идешь с таким огромным кнутом?

— Иду навстречу человеку с бусиной; думаю, — может, обменяюсь с ним.

— Я человек с бусиной, да на что годится твой кнут?

— Кнут этот оживляет любого мертвеца — и людей и скотину.

— Коли так — давай меняться: вот бусина и давай мне кнут.

Они обменялись. Но едва получил Трифон кнут, тут же приказал он сабле снести голову тому человеку и взял назад бусину.

Вот подходит он к своему дому, а за спиной у него все эти сокровища.

Жена как мужа завидела, вышла навстречу и ну его ругать, и ну его бранить:

— Ах ты проклятый, видно, ты совсем рехнулся, коли носишь на голове такую рвань вместо шляпы, а за плечами мешки, как нищий; да саблю-то такую откуда ты взял? Видать, дернул тебя черт стать солдатом. Не иначе как спятил. Где воз, где волы? Ах ты бездельник, негодник, бродяга, пьяница!

А он притворился, что ничего не видит и не слышит, вошел в дом, сел за стол и сказал бусине: “Дай-ка мне поесть”, — и тут же стол покрылся всякого рода едой и питьем, а музыка заиграла, будто у самого черта на свадьбе. Он ел и веселился, а жена, увидев такое, не могла удержаться — принялась снова за свое:

— Ах ты пьяница, дурак несчастный, подлец, отдал волов за еду да за питье и еще музыкантов в дом привел.

Честила она его, честила да как набросится на него, ударить хотела. Но Трифон сказал:

— Ты, жена, не теряй головы, — теперь у меня есть на тебя управа; бойся меня, а не то наплачешься; лучше садись-ка и ты есть, пить и веселиться и благодари бога, что есть чем поживиться.

Ну, а жена, как трещотка, не унимается: “оборванец, негодник, болван!”, — чего только она не говорила. Вышел тут Трифон из терпенья — а он в таких случаях большим озорником становился — и говорит палке, той, что поменьше: “Ну-ка, сделай милость, приласкай драгоценную мою жену”.

А палка не шутит, огрела ее так, что небу жарко — завизжала жена, как кошка, коли хвост у нее отрезать, побежала к родителям да братьям — жалуется им, что Трифон, мол, ее прибил, что он продал волов, отдал их за еду и питье да еще и музыкантов в дом привел.

Братья тотчас же собрались, схватили дубинки, чтобы Трифона прибить, а коли смогут, так и убить. Да Трифон, как завидел их у дома, приказал палке выйти им навстречу.

А та не шутит, поколотила их так, что небу жарко.

На шум и гам сбежалось все село — с железными вилами, с топорами, с дубинами — посмотреть, что это за вор, на кого это братья жены все кричат “вор” да “разбойник”. Ну и досталось же им! Трифон вышел им навстречу с саблей, с палками, в шляпе, через плечо — мешки и сказал крестьянам:

— Знайте, что не только вас, — даже самого царя со всеми его солдатами я не боюсь.

Тут крестьяне набросились было на него; но Трифон не дал им и шага ступить: снял с головы шляпу, и все обратились в каменные глыбы; одного старосту он пощадил, чтобы тот был свидетелем его силы. Потом сказал старосте:

— Ну, теперь ты видишь, что нет у вас никакой силы?

Староста заплакал, как увидел, сколько Трифон людей уморил, а главное — сам уж он очень боялся, как бы не пришел и его черед. Плакал староста, плакал-убивался, а потом сообразил, что, у кого есть сила такое множество людей убить, пальцем их не тронув, тот должен иметь силу и оживить; вот и принялся он просить Трифона:

— Сжался, Трифон, оживи ты этих негодяев, хоть и вправду пришли они к твоему дому с дурными мыслями.

А Трифон ему в ответ:

— Пожалуй, я тебя и послушаюсь, чтобы ты посмотрел, какая у меня сила.

Тут приказал он кнуту ударять их всех подряд, и кого кнут ударял, тот вмиг будто от тяжкого сна просыпался... и, — давай бог ноги! — бежал без оглядки прямо домой на печь, — так испугал их Трифон.

Только не могли крестьяне пережить такого великого позора, — что тряслись они все перед одним человеком, да еще перед Трифоном-дураком; вот и стали они держать тайный совет, — как все злодеи да негодяи, — втайне, запершись в доме, окна затворили и шепчутся, как в церкви:

— Что бы нам такое сделать, как проучить Трифона?

А староста говорит:

— Или вы не помните, как он хвастался, что не боится самого царя со всем его войском?

Посоветовались они и написали царю длинную-предлинную грамоту, что Трифон-де хвастался, будто он один сильнее, чем царь со всем его войском.

Прошло немного времени, получает Трифон царский приказ: предстать перед царем с рапортом. Положил Трифон бусину за пояс, опоясался саблею, на голову надел шляпу рваную, через плечо перекинул мешки, взял также кнут да палки — и в путь.

Пришел Трифон в таком облачении ко двору, а царь как раз один в доме был; входит это к нему Трифон, а шляпу с головы не снимает, и говорит:

— Добрый день, царь-государь.

Долго смотрел на него царь, да и спрашивает:

— Кто привел тебя ко мне во дворец? Нищий ты или помешанный, что ходишь с палками и бичами и шляпу с головы не снимаешь?

А Трифон в ответ:

— Великий государь, я не нищий, потому что я сильнее и богаче тебя, хоть никого не угнетаю, а ты угнетаешь целую страну; и не помешанный я, это ты — помешанный, веришь, что править будешь до конца своей жизни, а стоит мне захотеть, и я могу хоть сегодня же погасить для тебя солнце; шляпу же я не снимаю потому, что ты не больше меня, и горе тебе, если я ее сниму.

Как услышал царь слова Трифона, решил, что вправду он помешанный, и говорит ему:

— Ступай с богом, несчастный, не хочу я говорить с помешанным.

Ну, а Трифону — ему что, он и говорит царю:

— Раз ты призвал меня сюда, давай померимся силой, чтобы незачем нам было друг друга бояться.

Как услышал царь такие слова, разгневался страшно и приказал ему выйти в поле и солдатам своим тоже приказал в поле выйти и его расстрелять. Пока выстраивались солдаты царские, Трифон гордо стоял в стороне и над ними посмеивался; а как приказал им царь стрелять... снял Трифон с головы шляпу, и все окаменели, а царь — нет; такова была воля Трифона.

Надо было видеть царя, как он плакал, — знал он, что пропадет без солдат, вот и говорит он Трифону:

— Померься ты с моими солдатами в справедливой битве, не убивай ты их так, одним словом.

— Ну что ж, — говорит Трифон, — ладно, сейчас оживлю я тебе их, а после посмотришь, что будет.

И ударил Трифон бичом по войску царскому, чтобы все пробудились; но как ожили они, так и пустились наутек, — очень уж испугались Трифона. Но царь приказал им остановиться, и солдаты остановились бой принять с Трифоном. Тут Трифон бросил на землю мешки, и вышло из них солдат, что звезд на небе; как увидел царь такое дело, волосы у него на голове встали дыбом, и начал он плакать и причитать:

— Правда твоя, Трифон, отдам я тебе свои богатства; вижу, что ты сильнее меня; оставь только меня в покое; хочешь, дам тебе полцарства, только бы мне жить с тобою в мире.

А Трифон ему отвечает:

— Ну, ладно, оставлю тебя в покое, не позарюсь на твою нищету; но чтобы ты не говорил, что я гневаюсь — возьму у тебя телегу с двумя лошадьми и воз с двумя волами.

Дал царь Трифону все, что тот просил, и отвез Трифон жене воз с двумя волами, а сам взял телегу и отправился странствовать по белу свету, еще моложе и краше, чем прежде.

ПОСЛУШНАЯ ДОЧЬ СТАРИКА

Было это однажды, а может, и никогда не бывало. Жил когда-то старик, у него была взрослая дочь, о прилежании которой шла молва по всему свету. Женился старик второй раз, и привела его жена в дом тоже взрослую дочь. Новая старикова жена заставляла падчерицу делать всю черную работу по дому; родная же дочь знай сидела сложа руки, даже плесневеть стала.

Бедная старикова дочь и пряла, и ткала, тесто замешивала, подметала, убирала, и словечка, бывало, наперекор не молвит! И если свою дочь мачеха во всем защищала, то уж на падчерицу старику наговаривала и обижала ее как могла.

Дня божьего не проходило, чтобы она не ссорилась со стариком и не требовала от него прогнать дочь из дома, да еще угрожала:

— Не прогонишь дочь, — не буду с тобой хлеб-соль делить.

Бедный человек просто не знал, что ему и делать!

Как-то раз, ночью, мачеха плеснула воды на очаг и загасила угли, которые дочь старика укрыла под золой еще с вечера. На другой день встала старикова дочь с раннего утра, хотела развести огонь, — ведь если бы она не развела его, — опять была бы виновата! — смотрит, — а углей в очаге и следа нет. Побоялась она, что мачеха рассердится, поднялась на крышу хижины и стала смотреть во все стороны: не видно ли где хоть маленького огонька, чтоб можно было принести домой уголек. Но огня не было видно. Собирались она уже спускаться с крыши, как вдруг далеко-далеко, на востоке, увидела крохотное, едва мерцающее пламя. Сошла она на землю и поспешила туда, где оно мерцало. Долго она шла, и все не могла дойти до того огонька. Наконец повстре-

чался ей на дороге заброшенный плодовый сад.

— Девушка, девушка! — окликнул ее сад. — Подойди сюда, обери гусениц с моих деревьев, а когда пойдешь обратно, я дам тебе спелых плодов.

Тотчас же принялась девушка за дело; а как кончила — пошла дальше. Немного погодя встретился ей колодец.

— Девушка, девушка! — окликнул ее колодец. — Подойди вычерпай из меня воду и почисти меня, а как будешь возвращаться, я дам тебе студеной воды напиться.

Вычерпала девушка из колодца воду, почистила его и пошла дальше. Шла она, шла и набрела на печку.

— Девушка, девушка! — окликнула ее печка. — Подойди сюда, обмажь меня глиной да вычисти из-под меня золу, а как будешь возвращаться, дам тебе горячую лепешку.

Обмазала девушка печку, вычистила золу и отправилась дальше.

Немного прошла она — и видит, стоит небольшой домик. Постучала девушка.

— Кто там? — отозвался голос изнутри. — Если хороший человек — войди, а если плохой — не входи; у меня для плохого человека — пес с железными зубами, со стальными клыками. Как выпущу его, так и растерзает он злого человека на мелкие кусочки.

— Хороший... — отвечала девушка.

Она сильно боялась, что мачеха побьет ее, если она вернется домой, ведь очень она долго в дороге задержалась, и потому спросила, не нужна ли кому в этом доме служанка. А жила в этом доме святая Пятница; и как раз случилось так, что служанка была ей нужна. Вот и осталась старикова дочь в этом домике.

Прежде всего рассказала девушке святая Пятница о том, какая у нее будет работа: надо было по утрам готовить всем домашним животным, какие у нее имелись, еду, но так, чтобы была эта еда ни горяча, ни холодна. А после в доме хорошенько прибраться. Рассказала она это стариковой дочери и сама ушла в церковь. Девушка сделала все так, как было ей приказано.

Как только святая Пятница вернулась из церкви, так

спросила своих животных, хорошо ли их девушка накормила. А животные были вот какие: драконы, змеи, совы, ящерицы, гадюки да прочая нечисть. Все в один голос отвечали, что даже, мол, не заметили, что хозяйки дома нет, — так хорошо девушка за ними ухаживала.

Войдя в дом, увидела святая Пятница, что каждая вещь поставлена на свое место, и осталась очень довольна.

Прошло несколько дней. Вот девушка и говорит своей хозяйке:

— Матушка святая Пятница, я очень соскучилась по своим родителям. Сделай милость, отпусти меня домой.

— Ступай, дочь моя, — отвечала святая Пятница, — но раньше поищи у меня в голове, а вскоре увидишь, что потечет перед нашим домом река, а на ее волнах поплывут шкатулки, ларчики и сундуки. Какой из них тебе понравится, тот и возьми. Это и будет вознаграждением за твою службу.

Уселись они, и сразу видит девушка: течет река и несет на своих волнах разные шкатулки, ларцы да сундучки и все — красоты необыкновенной.

“Как же выберу себе такой красивый ларец, — подумала она. — По правде говоря, ведь я не заслужила его.” И она подождала, пока не подплыла к ней маленькая, даже не обструганная шкатулка.

— Матушка святая Пятница! — сказала она. — Вот ларчик по моим заслугам.

— Возьми его, дочь моя, если ты не хочешь выбрать себе что-нибудь получше; и ступай себе с богом, — отозвалась старуха.

Попрощалась старикова дочь со святой Пятницей, взяла шкатулку под мышку и пошла домой. Завидела по дороге печку и получила от нее горячую лепешку; проходила мимо колодца — напилась холодной воды; дошла до сада — поела спелых плодов.

Пришла старикова дочь домой, а там застала отца в большой тревоге и печали — уж больно долго ждал он ее!..

Тут она рассказала ему все, что с ней приключилось, и открыла шкатулку. И что же? В ней оказались жемчуг, драгоценные камни, бисер, вытканые золотом шелковые

наряды.

Зависть взяла мачеху и ее дочку, а у старика сердце радовалось.

Снарядила тогда мачеха в дорогу и свою дочь, наказав ей делать все так, как делала падчерица.

Шла-шла мачехина дочь, пока не дошла до сада. Окликнул и ее сад:

— Девица, девица! Подойди! Обери гусениц с моих деревьев!..

Но мачехина дочь ответила:

— Стану я руки из-за тебя царапать!.. — И пошла дальше. Дошла до колодца. А когда попросил колодец вычерпать из него воду и почистить его, ответила:

— Что я, белены, что ли, объелась, чтобы мучаться, воду из тебя черпать?..

Так дошла она до печки. А когда печка попросила побелить ее и золу вычистить, ответила:

— Слыхано ли? Да чтобы я руки марала?..

И пошла дальше, пока наконец не дошла до домика святой Пятницы.

Как расспрашивала святая Пятница старикову дочь, — так расспросила она и мачехину. А потом взяла ее к себе в служанки. Приказала она ей животных накормить, да так,

чтобы еда была ни горяча, ни холодна; да в доме прибраться. А сама ушла в церковь.

Только вернулась святая Пятница из церкви, как бросились к ней, вытянув шеи, все животные, жаловались, что мачехина дочь как стала их поить, — все горло им кипятком ошпарила. Вошла святая Пятница в дом и видит: беспорядок такой, какого у ней никогда в жизни не бывало!

Немного прошло времени, говорит мачехина дочь:

— Матушка святая Пятница, отпусти меня домой! Очень я стосковалась по своим родителям. Отдай что мне положено, и я уйду, а то наскучило мне здесь.

— Ступай, дочь моя, — ответила святая Пятница. — Только подожди немного, пока не потечет мимо наших ворот река и не понесет на своих волнах разные вещи; какая из вещей тебе понравится — ту и возьми. А раньше поищи у меня в голове.

Чуть притронулась мачехина дочь к голове святой Пятницы, как сразу побежала к реке. Здесь выбрала она самый большой и самый красивый сундук.

— Ну, если ты выбрала себе этот сундук, — сказала ей святая Пятница, — возьми его; но не открывай, пока не придешь домой; а как станешь открывать, следи, чтобы дома были только ты да твоя мать и чтобы никто, кроме вас, не видел, что находится внутри этого сундука.

Взвалила на себя мачехина дочь сундук и ушла.

Как шла она мимо печки, увидела на ней горячие лепешки. Хотела взять лепешку, а та ей в руки не дается. А голодна была девушка так, что едва терпела!

Пошла дальше; уж очень хотелось ей пить, когда она проходила мимо колодца! Но только не дал ей колодец ни капли воды освежиться. Когда же проходила мимо сада, у нее просто слюнки потекли; но ей и приблизиться-то к саду не удалось!

Пришла мачехина дочь домой усталая да голодная. Не стерпела она, отозвала свою мать в сторону и попросила ее тут же выгнать старика и его дочь из комнаты.

Как остались они одни — раскрыла мачехина дочь сундук... И что же в нем оказалось? Оказались там все те

драконы, змеи и другие гадины, которым мачехина дочь ошпарила кипятком горло, когда их кормила. Бросились тут звери на мачеху и ее дочь, разорвали их на куски и сожрали.

Как разнеслась об этом весть по деревне, все сильно перепугались.

А старикова дочь вышла замуж за самого красивого парня из тех мест, и живет она счастливо до сих пор.

А кто мне не верит, пусть посмотрит кругом и увидит много таких счастливых людей.

Я же сел в коляску
И рассказал вам эту сказку!

ОКАМЕНЕВШИЙ

Жили-были однажды царь с царицей, оба молодые и красивые, да только детей у них не было.

Раз пришел к царю толстогубый арап и говорит ему:

— Здравствуй, пресветлый царь! Прослышал я, что царица бездетна, и принес для нее травы: коли женщина навару из них выпьет, сразу затяжелееет.

Царь взял траву у арапа и приказал наградить его конем из царских конюшен и золотой одеждой ослепительной красоты. Потом позвал царь царицу и отдал ей травы с наказом сделать навар и выпить. Царица же отдала травы поварихе и велела их сварить, а для какой надобности — не сказала. Повариха, не зная силы тех трав, отведала навару, и потом отнесла царице; та выпила. Прошло немного времени, и затяжелели обе — и царица и повариха. И когда настал срок, родили обе по приговору мальчику, прекраснее всего, что есть на белом свете, и назвали их: одного Дафин, а другого Афин.

Вот однажды пошел царь на войну, а сына вместо себя оставил, дал ему связку ключей и сказал:

— Сын мой, можешь входить во все комнаты, отдаю тебе все ключи; не входи лишь в ту, которая отмыкается золотым ключом, не то быть беде.

Когда выступил царь из города, сын его открыл все комнаты и увидел там великое множество драгоценных камней, да только не один не прельстил его. Наконец дошел он и до комнаты, что открывалась золотым ключом, постоял немного на пороге и вспомнил отцовский наказ. Но потом одолело его любопытство, отомкнул он дверь и вошел в ту комнату. В ней лежала подзорная труба. Царский сын посмотрел в нее и увидел дворец, весь золотой, блиставший ярче солнца. А во дворце сидела царевна Киралина, красивая как картина,

цветок из сада, души услада.

Долго смотрел на нее царский сын, потом положил трубу на прежнее место и вышел со слезами на глазах.

Вскоре вернулся царь с битвы победителем, но сын его не вышел ему навстречу с радостным приветствием, а вышла одна царица и рассказала, что сын тяжело болен. Царь сразу же понял, отчего заболел царевич, и созвал лекарей со всего света. Но все они заявили, что царский сын не выздоровеет, покуда не женится на царевне Киралине.

Царь стал слать к царевне Киралине посла за послом да все без толку, потому что отец ее не желал выдавать дочку замуж.

Когда царский сын узнал об этом, решил он, что надо ему собираться в путь-дорогу и самому просить Киралину в жены. Рассказал он все своему крестовому брату, сыну поварихи, и вот в один прекрасный день отправились они вдвоем, да и след их простыл.

Долго ли, коротко они шли, немалый путь прошли и добрались наконец до матери Вьюжного ветра. Постучали в дверь, вышла им навстречу сморщенная старуха и спросила, чего им надобно. Ответили они, что просят до утра приюта и хотят разузнать дорогу в царство красавицы Киралины.

Старуха поглядела на них жалостливо и говорит:

— Приняла бы я вас с радостью, да боюсь, придет сын мой, Вьюжный ветер, и заморозит вас обоих, обратит в ледышки. Идите-ка вы лучше к моей младшей сестре, может, примет она вас и укажет вам дорогу к царевне Киралине.

Отправился царский сын дальше и добрался до матери Буйного ветра. Да только и оттуда пришлось им уйти. Наконец пришли они к матери Вешнего ветра. Постучали в двери, вышла навстречу им молодая женщина, стройная и пригожая. Как увидела она царского сына, сразу сказала:

— Знаю, добрый молодец, Фэт-Фрумос, зачем ты пришел: ищешь ты красавицу Киралину и хочешь взять ее в жены. Но не дойти тебе до ее царства, если мой сын не поможет. Оставайтесь здесь, да только надо вас спрятать хорошенько. Не то, коли сын мой почует, что пришли ко мне люди с другого света, убьет он вас.

Сказавши это, хлопнула она трижды в ладоши, и тотчас же выпорхнула из-под печи золотая птица, алмазный клюв, изумрудные глазки, спрятала обоих молодцов под крылья и скрылась обратно в печку.

Не прошло много времени, как послышалось легкое дуновение ветра, и принес он с собой аромат роз и розмарина, сами распахнулись двери, и вошел в дом красивый юноша с длинными золотыми волосами и с крыльями из серебра, а в руке держал посох, весь оплефенный цветами да травами. Едва вошел он в дом, как сказал:

— Матушка, чую я человека с другого света.

— Это тебе чудится. — отвечала мать, — в нашем доме людям с другого света искать нечего.

Вешний ветер утих и присел к столу. Выпил миску козьего парного молока, запил фиалковой водой из мраморного кувшина и пустился в разговор.

— Расскажи-ка мне, сынок, где находится царство красавицы Киралины и как поступить тому, кто хочет взять ее в жены?

— О трудном деле ты меня спрашиваешь, матушка, — отвечает сын. — Ну, да будь по-твоему. Царство Киралины отсюда далеко, в десяти годах пути. Но можно этот путь совершить во мгновение ока, если найдется человек, который пойдет в черный лес у смоляной реки, что мечет камни и пламя до небес. В том лесу есть волшебный чурбан; если сесть на него, перенесет он тебя через реку. А кто это слышит, да другому перескажет, пусть по колена окаменеет. Добравшись до царства Киралины, нужно сделать золотого оленя, спрятаться в нем, пробраться так в покои Киралины и похитить ее. А кто это слышит и другому перескажет, пусть по пояс окаменеет. После того как Киралина выйдет замуж, мать Буйного ветра из зависти подойдет к ней торговца с красивыми рубашками тоньше паутины. Киралина купит рубашки, наденет одну и умрет, если не обрызгать ее слезами горлицы. А кто меня слышит и другому перескажет, пусть весь превратится в камень.

Пока Вешний ветер говорил, царский сын спал, поварихин сын глаз не сомкнул и все слышал.

Наутро ветер ушел из дому, и тогда царский сын спросил у его матери, не выведала ли она чего у сына. Но та, боясь окаменеть, отвечала, что ничего не слышала.

Царский сын с поварихиним сыном снова двинулись в дорогу; долго ли, коротко шли, — немалый путь прошли, и вот на закате слышат они сильный шум и грохот и видят широкую реку из горящей смолы, а из нее пламя и камни летят до самого неба. Царевич испугался, а поварихин сын и говорит ему:

— Не бойся ничего, иди со мной в лес и делай, что я скажу.

Зашли они в глубь леса и увидели волшебный чурбан, сели оба на него верхом, пришпорили трижды, и превратился чурбан в карету с двенадцатью огненными конями. Вмиг взлетели они выше Буйного ветра и спустились прямо перед воротами дворца царевны Киралины. Только спустились — карета снова превратилась в чурбан, а они оказались перед дворцом из камня-сапфира с кипарисовыми воротами. А у окна сидела царевна Киралина, одетая в золотое платье, расшитое жемчугом.

Как увидела Киралина царского сына, сразу влюбилась в него, да так сильно, что тяжело заболела и дошла до смертного часа.

Чего только не делал бедный царь, чтобы спасти дочку! Да все было напрасно. Наконец пришла старуха знахарка и сказала:

— Пресветлый царь! Живи и здравствуй много лет! Ежели хочешь, чтобы выздоровела царевна, твоя дочка, ты должен найти золотого оленя, что поет на птичьих голоса, и доставить его в дом на три дня и три ночи. Вот увидишь — будет здорова Киралина.

Царь разослал глашатаев во все концы. Через три дня поварихин сын трижды стукнул по волшебному чурбану, и тот обратился в красивого золотого оленя. Поварихин сын спрятал царевича в оленя и поставил его перед дворцом.

Царь, увидев оленя, спустился к воротам и спросил поварихина сына, не продаст ли он оленя.

— Продать не продам, а на время отдам, — ответил гордо

Афин.

— Хорошо! Чего ты за него хочешь, если и возьму оленя только на три дня?

— Дай мне тысячу золотых монет.

Ударили они по рукам, царь взял оленя и поставил в покоях царевны Киралины, а сам ушел по своим делам.

Когда олень остался с глазу на глаз с царевной Киралиной, он запел, да так жалобно, что растрогал бы дерево и камень. Царевна Киралина заснула. Тогда царский сын вышел из оленя, поцеловал царевну в лоб и снова спрятался.

На второй день царевна рассказала своим служанкам, что ей дважды приснилось, будто ее целовал красивый юноша. Тогда одна из девушек посообразительнее дала Киралине совет: когда запоет олень, прикинуться спящей, а как почувствует, что ее целует кто-то, хватать его.

Вот настала ночь, и олень запел жалобную песню. Царевна Киралина прикинулась, что спит, и когда Фэт-Фрумос приблизился к ней, чтоб поцеловать, она сжала его в объятиях и сказала:

— Теперь ты от меня никогда не уйдешь, потому, что много я выстрадала, чтобы добиться тебя.

Ласкались они, словно голубки, пока не занялся день. А к полудню пришел царь и с ним Афин — забирать оленя.

Царевна Киралина стала плакать и ни за что не хотела расставаться с оленем. Тут поварихин сын и говорит ей потихоньку:

— Попроси у отца дозволения проводить оленя за городские стены, а там нас ждет карета с двенадцатью огненными конями. Мы все улетим на ней и отправимся в царство Фэт-Фрумаса, твоего любимого.

Царевна Киралина получила у отца дозволение и пошла с пышной свитой провожать оленя за городские стены.

Тут Афин трижды стукнул оленя по брюху, и он вмиг обратился в карету с двенадцатью огненными конями. Афин подхватил одной рукой Киралину, другой — Дафина и вскочил в карету. Взвилась она на воздух и исчезла из глаз.

Долго ли, коротко ли, но пронеслись они путь далекий, и вот, словно в сказке слово что ни скажешь — то и готово, — выбрались из чужих стран и вступили в свое царство.

Как дошла до царя весть, что вернулся его сын, вышел он ему навстречу с большим войском, а потом женил его на царевне Киралине. Свадьбу по-царски сыграли — три дня и три ночи пировали.

Не так много времени прошло, сидит раз царица Киралина во дворце у окна и смотрит на дорогу. Вдруг видит: идет торговец с рубашками. Царица Киралина позвала его наверх, купила две рубашки тоньше паутины и одну из них надела. Но вскоре заболела она, да так тяжело, что вот-вот умрет.

Афин узнал о царициной болезни, пробрался в полночь в покои, где она спала, окропил ее слезами горлицы и вышел. А стража у входа пошла к Дафину-царю и донесла ему, будто Афин целовал царицу.

Как услышал это царь, разгневался и велел отрубить Афину голову. Но когда привели Афина к месту казни, он сказал царю:

— Да пошлет тебе господь долгой жизни, пресветлый царь! За всю любовь и дружбу мою к тебе прошу я тебя: созови всех самых именитых бояр в царстве-государстве, хочу я перед ними сказать важное слово, а потом уж повели мне голову, срубить.

Царь созвал царский совет, на который повелел явиться царице Киралине. Привели туда Афина, и царь сказал ему:

— Говори, злодей, что тебе нужно сказать.

И начал Афин свое слово:

— Жил-был однажды царский сын и полюбил он дочку царя из дальней страны. И не мог он без нее жить, а потому отправился со своим крестовым братом в дорогу — либо найти ее, либо голову сложить в пустыне. Исходили они весь свет вдоль и поперек и дошли до матери Вьюжного ветра и просили ее указать путь к той царской дочке. Мать Вьюжного ветра послала их к матери Вешнего ветра; та их приютила и обещала расспросить сына. Сдержала она свое слово; когда вернулся Вешний ветер домой, спросила его мать, а он ответил так: “До царства царевны Киралины — десять лет пути, но можно добраться туда в мгновение ока, если бы нашелся такой человек, который пошел бы в черный лес у смоляной реки, что мечет в небо огонь и камни. Там в лесу найдет он волшебный чурбан, сядет на него верхом и перелетит через реку. Добравшись до царства Киралины, надо превратить чурбан в золотого оленя, спрятаться в нем, проникнуть в покои царевны и похитить ее. А после того как выйдет Киралина замуж, мать Буйного ветра из зависти пошлет к ней торговца с рубашками тоньше паутины, и если не окропит ее слезами горлицы, то умрет она, коли оденет такую рубашку”.

Сказал все это Вешний ветер своей матери, а потом наложил заклятие: если кто все это слышит да другому перескажет, то обратится в камень.

На другой день царский сын спросил мать Вешнего ветра, не узнала ли она чего от сына, но та, боясь окаменеть, сказала, что ничего не слыхала. А крестовый брат царского сына в ту ночь не спал и все слышал. Не сказал он царевичу ни слова об этой тайне, пошел с ним в черный лес, сели они на волшебный чурбан и перелетели через реку.

Только вымолвил Афин эти слова, как окаменели у него ноги до колена. Бояре, увидев это чудо, испугались. А Афин снова начал:

— Добрались крестовые братья до дворца госпожи Кира-

лины, трижды постучали по чурбану, и он обратился в золотого оленя. Царский сын спрятался внутри и через эту хитрость познакомился с девушкой и похитил ее.

Только сказал это Афин, как окаменел до пояса. Тут царь с царицей, видя невиновность Афина, заплакали и стали просить его не рассказывать дальше. Но он не захотел молчать и продолжал:

— После того как царь женился на царевне Киралине, не прошло много времени, как купила она у торговца две рубашки, надела одну и напала на нее злая болезнь. Афин знал, отчего причинилась болезнь, пробрался в полуночный час в царицыны покои, увидел, что она спит, окропил ее слезами горлицы и тем спас от смерти.

Только успел Афин вымолвить эти слова, как весь обратился в камень.

Три дня и три ночи плакали царь Дафин с царицей Киралиной, а потом взяли окаменевшее тело их благодетеля и положили в своих покоях, чтобы всегда и вечно помнить о нем.

Прошло с той поры много времени, и родился у царя с царицей сыночек.

Однажды утром входит Дафин-царь в покои царицы и говорит, что явилась ему во сне женщина вся в белом и возвестила, что если хочет он оживить своего окаменевшего брата, то пусть убьет сына своего и оросит камень его кровью. Царица сказала, что и ей такой же точно сон привиделся. И вот, в обоюдном согласии зарезали они дитя и окропили камень кровью. Сначала задвигался окаменелый, потом ожил совсем и говорит:

— Ох, господи боже! Каким тяжким сном я спал!

— Эх, братец, — отвечает ему царь, — спал бы ты еще долго и крепко, если б мы не зарезали ребенка нашего и не окропили тебя его кровью.

Тут Афин рассек себе палец ножом, пролил кровь свою на ребенка, и тот вмиг ожил.

Тогда царь, на радостях, повелел, чтобы по всей стране пировали и веселились.

А я в седло удобно сел,
Поведал сказку, как сумел.

БАБКИН КОЗЕЛ

Давным-давно, а может еще пораньше, жили дед да баба. Были они бедными-пребедными. Все богатство — телушка одна, да и та невелика.

Когда не осталось у них ни гроша, дед сказал:

— Пойди, бабка, с телкой на ярмарку, продай ее.

— Ладно, муженек, схожу, — ответила старуха.

Накинула она на рога телушке веревку и поплелась.

На ярмарке подошли к ней три брата. Были они ворами, и как увидели старуху, решили ее обмануть.

Сказано — сделано.

Разошлись все трое в разные стороны. Немного погодя подошел к старухе один из братьев.

— Добрый день, бабка!

— Добрый день, сынок.

— Продаешь своего козла?

— Продаю, только это не козел, а телка.

— Неужто это — телка?

— А как же!

— Ну уж нет!

— Ей-богу, телка! Да ты что, сам не видишь?

— Козел это, бабка! Коли мне не веришь, спроси кого хочешь.

Старуха перекрестилась, сплюнула: что за наваждение!.. Пошла она дальше.

Вскоре навстречу ей идет второй из братьев.

— Продаешь козла, бабка?

— Продаю, сынок. Только это не козел, а телка.

— Какая же это телка?.. Ты что же, не знаешь, какую скотину продаешь?

Перекрестилась старая и опять дальше побрела. Встречает ее третий брат, и то же самое твердит: козел да козел!

Видит бедная бабка, что все в один голос называют ее телку козлом и совсем растерялась. Поддалась она на обман и говорит:

— Ну, коли и ты говоришь, что это козел — видно, так тому и быть.

— Беспременно козел... А сколько за него просишь?

Стали они торговаться, потом сошлись в цене, и заплатил ей третий брат по уговору. Купила бабка на эти деньги разную мелочь, на большее не хватило, и пошла домой.

Встречает ее дед, спрашивает:

— Продала телку?

— Не телка эта была, а козел.

— Как козел?

— Да так.

Уставился дед на бабку, ничего в толк не возьмет.

Рассказала бабка все по порядку, и дед сразу уразумел, что тут обман.

“Вот оно что, — подумал он. — Ну, вы у меня расплатитесь с лихвой, братья-воры, найду я на вас управу”.

Старик-то, оказывается, знал этих трех братьев, которые только воровством и занимались.

Походил он по селу, одолжил у одного мужика клячу старую и худющую, все ребра наперечет, а у другого взял в долг золотую монету. Дождался старик следующей ярмарки, сунул золотую монету кляче под хвост, сел на нее верхом и затрусил на ярмарку.

Добрался он туда и стал в стороне неподалеку от трех братьев-воров. Стоит он позади своей лошади — как только она брюхо опорожнит, старик сразу же бросается палочкой навоз ковырять.

Братья заметили, чем старик занимается, подошли к нему и спрашивают:

— Зачем ты, дед, все ковыряешься в навозе?

— А как же, люди добрые! Я приехал на ярмарку закупить кой-чего, а лошадь денег мне нынче еще не принесла.

— Что-то непонятно ты говоришь. Лошадь тебе деньги приносит?

— Такой уж у моего коня талан: что ни день — нахожу я в его навозе один, а то и два золотых, иногда и еще больше.

— Ты что, шутки с нами шутишь?

— Нет, какие тут шутки!

Братья не поверили старику, но остались стоять на месте около стариковой клячи.

Вскоре лошадь опорожнила брюхо еще два раза, а на третий нашел дед в навозе золотой.

Как увидели это братья своими глазами, так и застыли, рты разинули.

— Ишь ты, — зашептали они, — правда ведь! Давай купим у старика лошадь!

Придвинулись они к нему поближе.

— Слышь, дед, как это выходит, что твоя лошадь золотые монеты приносит?

— Такой уж у нее талан. Я-то еще корму ей вдосталь не даю, потому — беден, а кабы кормил ее, как баре, овсом да ячменем, она не по одному золотому, а по несколько штук в день приносила бы. Да вы и сами видите, что лошадь еле на ногах держится от голода.

— А не продашь ты ее?

— Что вы, что вы, как же мне ее продать?

— Заплатим хорошо.

У братьев-то расчет простой: “Подкормим мы лошадь как следует и сразу же вернем деньги, что истратили, да и разбогатеем скоро”.

Поторговались они, поторговались и хлопнули по рукам. Получил старик полную шапку золота и ушел.

Как добрался он в деревню, тут же расплатился за лошадь и за золотой, а все остальные деньги себе оставил.

Братья же воры побежали домой, почистили как следует конюшню, засыпали полную кормушку овса и привели лошадь. Жадные они очень были и надумали с самого начала много золота заполучить.

Лошадь же, бедняжка, голодная и до овса охочая, потому что никогда его не ела, так нажралась, а потом напилась, что тут же у самой двери и околела.

На другое утро один из братьев прокрался к конюшне посмотреть, сколько добра им навалила лошадь. Пытается он войти, да дверь никак не откроет.

Кликнул он остальных братьев.

— Эй, вы, тащите-ка сюда попону!

А попона ему потому понадобилась, что лошадь полную конюшню золота, думает, навалила.

Другие два брата выскочили из дому с попоной и тут же принялись его ругать, даже чуть не прибили за то, что он один в конюшню пошел, — ведь клятву дали не ходить туда по отдельности, чтобы один другого не обманул.

Поругались они как следует, постом поостыли и налегли все трое на дверь — открыть стараются.

Открыть-то открыли, да наткнулись на лошадиную тушу, всю вздутую. Так и остались братья стоять с выпученными глазами.

Как теперь быть?

Надо найти обманщика-старика и деньги обратно получить.

Сунулись они туда, сунулись сюда, долго его разыскивали и напоследок все-таки нашли. Помог им один купчина с ярмарки, который давно старика знал, кто он таков и откуда родом. Только пока братья разыскивали, старик со старухой

уж все обдумали.

— Приготовь ты, бабка, — сказал он, — бычий пузырь и наполни кровью, а как увидишь, что идут к нам те три брата-вора, быстренько привяжи его себе на живот и зайди в дом. Главное, потом не пугайся, потому что я возьму нож и пырну тебя будто в живот, а на самом деле вспорю пузырь, так что кровь из него хлынет. А еще я сделаю метелку из кукурузных початков, поглажу тебя этой метелкой и скажу:

Вставай-ка бабка, поскорей,
Вставай-ка, бабка, веселей!

Как услышишь эти слова, сразу же встань, глаза протри и скажи: “Крепко же я спала”. Поняла?

— Поняла, муженек, поняла, — закивала старуха.

Но дед еще долго ее учил, что и как надо делать.

Через несколько дней видит бабка — издалека три человека к околице села подошли.

Присмотрелась получше.

Они: три брата-вора.

Побежала старуха домой, старика оповестила и сама сделала все, как он ее научил.

А старик к тому времени уже кукурузную метелку смастерил и за печь положил.

Вошли братья-воры в дом, даже не поздоровались и сразу же давай на деда кричать, за что, мол, он их обманул, в суд его за собой тянут.

Старик-то догадался, что братья с клячей сделали, знал, какие они жадные, вот он и говорит:

— Видать, вы лошади много овса сразу дали, она все сожрала, воды опилась, вздулась, да и сдохла. Тут моей вины нет, не след вам было ей так много корма задавать, не привычная она.

Но братья-воры только одно знают, в суд старика тянут. Лошади-то они теперь лишились и стараются хоть часть денег обратно получить.

А бабка тоже раскричалась, что дед, мол, не виноват, что должны они сами на себя пенять.

Старик велел ей замолчать.

— Нет, не буду молчать!

— Замолчи, говорю!

— Нет, не буду...

Старик тут вроде совсем взбеленился, выхватил нож, подскочил к бабке да и пырнул прямо в живот.

Только он ее ударил, как хлынула кровь из бычьего пузыря, и бабка наземь повалилась — умирает, да и только.

Остолбенели братья-воры, а старик как ни в чем ни было говорит им:

— Ну ладно, ребята, пошли в суд.

Братья пошли за ним.

Не успели они немного отойти, как вдруг старик остановился:

— Знаете что, люди добрые, вернемся обратно, и повремените вы малость, я оживлю свою бабку, а то жаль ее, сердечную. Потом пойдем судиться.

— Как это ты ее оживишь, ежели убил?

— Ну, это совсем нехитрое дело.

Побежали братья за дедом посмотреть, как это он будет бабку воскрешать.

Пришли они домой, старик тут же взял с печи кукурузную метелку и начал гладить бабку, приговаривая:

Вставай-ка, бабка, поскорей,

Вставай-ка, бабка, веселей!

Как услышала старуха эти слова, встрепенулась, начала глаза тереть и говорит, словно только проснулась:

— Ну и крепко же я спала!

А братья ничего не понимают, друг на друга глаза пялят.

Пришли они в себя, спросили деда:

— Что же это ты всех мертвых так оживляешь?

— Всех, лишь бы померли.

Начали братья-воры между собой перемигиваться и перешептываться — мол, хорошо бы занять метелку волшебную.

— Своими ведь глазами видели, — говорит один, которому больше всех по душе метелка пришлась. Он все рассчитывал, сколько денег они заработают, ежели смогут

мертвецов воскрешать.

Начали они торговаться. Торговались, торговались, пока не сговорились: дали старику две шапки золота, забрали метелку и ушли с ней.

Как пришли братья-воры домой, сразу же в конюшню бросились — коня воскрешать.

Ничего не выходит.

Попытались потом воскресить мужика одного из их села... только тот-то умер по-настоящему, как все умирают, куда ж его еще воскрешать!

Помчались они сызнова к старику, ног под собой не чувят, об одном только и думают — связать его и потащить в суд.

Но только старик тоже не сидел сложа руки, пока они домой ходили, пока метелке испытание устраивали да обратно к нему возвращались. Вышел он из дому, наведалься по очереди во все корчмы, что по дороге к суду, со всеми корчмарями сговорился, что они должны сделать, да и тут же с ними и расплатился.

Прибежали к нему братья-воры, трясутся от злости, а он им и говорит:

— Пожалуйста, пойду в суд, почему не пойти, мне бояться-то нечего, я вам дал хороший товар, да вы его попортили. Только погодите чуток, возьму с собой мой кивер, что остался у меня с той поры, когда я солдатом был.

Дозволили они ему взять кивер и пошли.

На пути корчма.

Старик говорит:

— Остановимся малость, перекусим, а то притомился я очень, да и есть хочется. Вы тоже со мной перекусите.

Поели они, выпили, расплачиваться надо... Старик подзывает к себе корчмаря.

— Эй, хозяин!

— Что?

— Выбей дно из бочки и угости всех вином, пусть пьют за меня, а то я иду с этими людьми судиться.

— А кто платить будет? — спросил кочмарь, с которым дед еще ранее сговорился.

— Как кто? Кивер заплатит, — ответил дед и отдал кивер

корчмарю. Тот унес кивер в другую комнату и скоро вернулся, возвратил его деду и при этом низко поклонился, словно барину какому. А старик сразу же ушел с тремя братьями-ворами.

Те снова перешептываться начали: что это, мол, за кивер, который сам расплачивается?

Вошел дед еще в одну корчму, потом в другую, третью и всюду то же самое повторилось. Так шли они, пока братья не утерпели и спросили его:

— Что это, дед, за кивер, который всюду за тебя платит?

— Ну, сынки, это длинная история, кивер-то не простой, да так и быть, я вам расскажу, только коротко.

— Расскажи, сделай милость, дедушка!

— Это кивер волшебный. Он расплачивается за всякого и повсюду. Мне его подарил сам император, когда я еще молодым был. Воевали мы вместе, и я ему жизнь сохранил, от врагов спас.

Надумали тогда братья-воры купить волшебный кивер и просят старика продать его.

— Ну уж нет, — ответил дед, — а то останусь я совсем ни с чем. Коня вы убили, перекормили по своей жадности, с метелкой бог знает что сделали, только тоже испортили, а потом еще пришли ко мне и в суд потянули, а я уж до старости дожил и никогда не судился. Нет, больше продавать вам я ничего не буду. Лучше пойдем в суд, пусть меня осудят, коли виноват, а когда из тюрьмы выйду, останется мне хоть кивер, а то все остальное я уж по вашей милости потерял.

— Да нет, дедушка, ты уж нас прости, ошиблись мы, не подумали, — захныкали братья-воры, — не будем мы больше так поступать, а ты как следует нас обучи, что с кивером делать надо...

— Да я вас и в те разы обучал, только чем я виноват, ежели вы никак в толк ничего не возьмете?

— Теперь непременно возьмем, а тебе заплатим за кивер три шапки золота.

Почесал дед затылок и задумался.

— Знаете что?

— Что? — спросили братья.

— Продам вам кивер, да только вот с каким уговором.

— Ну, говори быстрее.

— Вы мне дадите три шапки золота и грамоту. А там напишите, что ко мне больше приставать не будете, что бы ни случилось. Согласны?

— Согласны.

— Ну, ударим по рукам, раз так.

Написали они грамоту, взял старик деньги, а братья-воры — кивер, разошлись каждый в свою сторону и больше никогда не виделись. Дед и на этот раз обманул братьев-воров, но они не могли ничего поделать — грамоту-то сами подписали, да и старик им послал передать, что все это он в отместку сделал за то, что они его первые обманули.

А я кончил эту сказку, и все это такая же чистая правда, как...

Те нивы, что вспаханы были овцой,
Рога у свиньи, что увидел слепой,
Который с клюквой проходил по дороге,
С которым шутя поравнялся безногий,
А после безрукий обоих поймал,
И голый за пазуху всех запихал.

СОДЕРЖАНИЕ

Двенадцать цревен и заколдованный замок. <i>Перевод Т.Хаус</i>	3
Заколдованный кабан. <i>Перевод З.Потаповой</i>	16
Трифон-дурак. <i>Перевод Т.Ивановой</i>	29
Послушная дочь старика. <i>Перевод Е.Покрамович</i>	40
Окаменевший. <i>Перевод З.Потаповой</i>	46
Бабкин козел. <i>Перевод А.Садецкого</i>	54

РУМЫНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
Часть первая

Редактор Л.Новикова
Художник А.Артюх
Технический редактор Н.Афанасьева
Корректор К.Демина

**Тираж 100000 экз. Приложение к журналу “Зарубежная
радиоэлектроника”, 123459, Москва, б-р Яна Райниса 28-2.**

**Верстка ПК “Компан”. 125239. Москва, б-р Матроса Железняка 9-41 :
Московская типография № 4 Государственной ассоциации
предприятий, организаций и объединений полиграфической
промышленности «АСПОЛ». Зак. 1487. 129041, Москва,
Б. Переяславская, 46.**

